

18+

И Александр
ГОРЕВИЧ

Тюремный ликёр

рассказы

Александр Игоревич Тюремный ликёр. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73385763

ISBN 9785006928046

Аннотация

В сборнике представлены самые известные рассказы автора об арестантской жизни и превратностях человеческой судьбы: «Тюремный ликёр», «Старики и сало», «Праздник в клеточку» и другие. Категория 18+ – только для совершеннолетних читателей! Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

«СУТЕНЁР»	7
ТЮРЕМНЫЙ ЛИКЁР	26
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Тюремный ликёр

Рассказы

Александр Игоревич

Иллюстратор А. Игоревич

Дизайнер обложки А. Игоревич

Корректор Юлия Александрова

© Александр Игоревич, 2026

© А. Игоревич, иллюстрации, 2026

© А. Игоревич, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0069-2804-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВНИМАНИЕ!

18+ – только для взрослых читателей

Рассказы, вошедшие в сборник «Тюремный ликёр» являются художественными произведениями.

В тексте рассказов содержатся: специфическая жаргонная и ненормативная лексика, сцены курения табака и употребления алкоголя, а также изобразительные упоминания о противоправных действиях. Однако такие описания являются художественным, образным и творческим замыслом, не являются призывом к совершению запрещенных действий и не пропагандируют упо-

ребление алкоголя и табака.

Автор осуждает противоправные действия, употребление наркотиков, алкоголя и табака.

«СУТЕНЁР»

В подвале красивого старинного особняка, бывшего до советской власти то ли доходным домом, то ли гостиним двором, в те давно минувшие времена располагались винный погребок и кладовая для съестных припасов.

Теперь, спустя сто с лишним лет, в самом здании крепко пустил корни один из районных судов крупного областного города, а в том подвале оборудовали временный изолятор для доставленных в суд подозреваемых и обвиняемых.

Обстановка изолятора была проста и добротна. Вдоль просторного коридора располагались два ряда клеток – по десятку с обеих сторон, а в конце – дежурное помещение: комнатка с большим окном, где сидела охрана.

Тесные клетушки, которые арестанты называют решками, стаканами, отстойниками и ещё как-то иначе, снабжены дверцами с мощными засовами и замками – всё, как положено. Боковые стенки у клеток – глухие, из толстых древесных плит, чтобы «соседи» тайком не переговаривались и ничего друг другу не передавали.

Это, скорее, похоже даже не на клетки, а на зарешёченные ниши.

Находясь внутри любой из них, можно увидеть всё, что происходит в клетках-нишах противоположного ряда, а вот

дотянуться до них нельзя: продол¹ между рядами шириной в пару метров, если не больше. К тому же охрана была обязана тщательно надзирать за происходящим через окно «дежурки» и по камерам видеонаблюдения, установленным на потолке продола.

Было уже часов восемь утра, и две параллельные батареи клеток-ячеек уже успели напичкать разными тёмными и сомнительными личностями, доставленными в суд из следственного изолятора. Многие из них давно были знакомы друг с другом, а некоторые даже проходили по одному делу. Те, несмотря на окрики дежурного, активно гомонили и жестикуютировали – сообщали друг другу какие-то животрепещущие новости и договаривались о чём-то своём.

Основную массу составляли мелкие наркобарыги-«закладчики», крадуны со стажем и без², любители уличных боёв без правил и разные бытовые громилы.

Среди них, так сказать – невооружённым глазом, легко можно было отличить новеньких – впервые попавших сюда и задержанных накануне по подозрению в совершении разного рода злодеяний. Они молча стояли в своих клетушках и, кто угрюмо, кто тревожно, а кто и робко, наблюдали за происходящим. Их привезли для избрания судом меры пресече-

¹ на тюремном жаргоне – длинный коридор, проход;

² жаргонизм, употребляемый вместо привычного в обычной речи слова «вор», которым в тюремной среде сейчас называют только самых крупных уголовных авторитетов;

ния из изоляторов временного содержания, которые в старое время называли «КПЗ».

Последним в подвал ввели высокого, древнего на вид старика – неряшливо одетого и опирающегося при ходьбе на клюшку. Сопровождающий охранник торопил его, а старик, сильно хромя на обе ноги, в ответ возмущённо огрызнулся: как могу, мол, так и иду...

Самый шустрый и шумный из присутствующих арестантов – крадун-карманник средних лет по кличке «Матвей» (фамилия у него была – Матвеев) первым обратил внимание на новенького старика. Он бросил трепаться с эком из соседней ниши и задорно крикнул:

– Здорово, старина! За что ты?

Старик, которого охранник подвёл к пустующей клетке, обернулся на голос Матвея и раздражённо бросил в ответ:

– Не знаю. За грабёж, что ли...

– Ого! – дружно и одобрительно загалдели арестанты. – Вот это дедуля! Молодчик! Ну, крепись, старый... Как же так у ты случилось?

Дед только неопределённо махнул рукой, входя в клетку, повернулся кругом и замер, как изваяние, выставив чуть вперёд свою палку и налегая на неё обеими руками.

Эки, тут же забыв про него, снова загудели друг с другом о своих насущных делах. Охрана лишь вяло покрикивала, требуя соблюдать тишину, а потом и вовсе перестала обращать внимание на выходы своих «подопечных».

Матвей – видный, ухоженный и хорошо одетый, с манерами артиста на сцене – заметно выделялся среди остальных: плюгавых клошар, звероподобных амбалов и нагловатых малолеток. Он бодро рассказывал о своих последних похождениях знакомцу, стоявшему в клетке напротив – прыщавому детине в шортах и с уродливо раздутыми варикозными шишками вен на ногах:

– Два года в Москве работал по клубам и светским тусовкам. Месяц-два работаю – лёг на дно, и с бабками сюда, домой. Чтоб не засветиться. Бабки закончились – опять месяц-два в Москве. Ни разу не спалился! А тут... Прикинь – в родном микрорайоне, можно сказать, у себя дома и... встрял! Бес попутал – сам от себя не ожидал! Прально говорят – жадность фраера губит...

– А как же ты на те тусовки попадал? – проявил интерес детина с варикозом.

Добрая половина арестантов к этому времени уже попритихла и прислушивалась, с любопытством внимая рассказу Матвея.

А тот – рад стараться, – явно работая на публику, упиваясь собственным красноречием и вызывая восхищение присутствующих, сочно расписывал подробности своих «гастролей»:

– Там у меня всё тип-топ – отлажено. Кореш пригласительные билеты доставал на эти вечеринки. Ему же, что на-

стригу, и сбрасывал... А там! И политики известные, и артисты, и звёзды – кого только нет! Бомонд, короче, столичный. Вот этот бомонд-то и обезжиривал! Кого я только не повидал... Короче, я там легко под своего косил и с кем только не зажигал! А они, лошары, кокса закинут, прибухнут и... в натуре меня за своего принимают! Даже не спрашивают, кто я, откуда, как будто сто лет знакомы. Ну, я подкатываю технично к тому-другому и трубки-мобилы нарезаю, лопатники³, часы, карты банковские, реже, если повезёт – цацки-брюлики⁴. Главное – не жадничать и не торопиться. Сам, как человек, отдыхал. И попутно работал... Да чё брюлики? Там трубки у них эксклюзивные: отделаны слоновой костью, драгметаллами, жемчугом, рубинами-изумрудами всякими – по сто тыщ долларов! И часы не хуже: золотые, тоже с камешками на браслетах. Такие продать потом – гемор, целая проблема: штучный товар всё-таки! Брать и сбывать за малый процент – тоже не варик. Это так, чисто для себя – для азарта! У одной звезды подрезал трубку, но хули толку – за гроши потом отдал. Зато, бывало, после удачных гастролей по полгода жил, как человек. А тут... По глупости попадалово! Да я так-то не гоню – дадут года три, может, три с половиной⁵. Отсижу год-полтора – на УДО соскочу или на браслет. Я судье уже сказал: больше трёх даст – жалобами

³ бумажник, портмане;

⁴ цацки – ювелирные украшения; брюлики – драгоценные камни, бриллианты;

⁵ три с половиной;

замотаю! А если даст три, ну, максимум – три с половиной, то стоп-стопэ, базара нет – я поехал в зону! Никаких апелляций, никаких кассаций – ей же проще и головняк меньше. Да даст, как я сказал. Куда она, на хер, денется? Она меня не первый год знает – третий раз судит!

– А скоко раз ваще судился? – спросил детина.

– Шесть приговоров к срокам, четыре – условно. Да я больше трёх и не сидел ни разу. Год-полтора-два – и домой! Статья такая. Мягкая. Закон надо знать. И, как говорил Остап Ибрагимович – чтить!

– Да-а-а., – вздохнул детина. Ему-то грозило лет двенадцать строгого режима за сбыт наркотиков.

Быдловатая публика с восхищением в глазах слушала местного Остапа Бендера, нисколько не сомневаясь в правдивости его баек.

...Внезапно по продолу раздался густой бас:

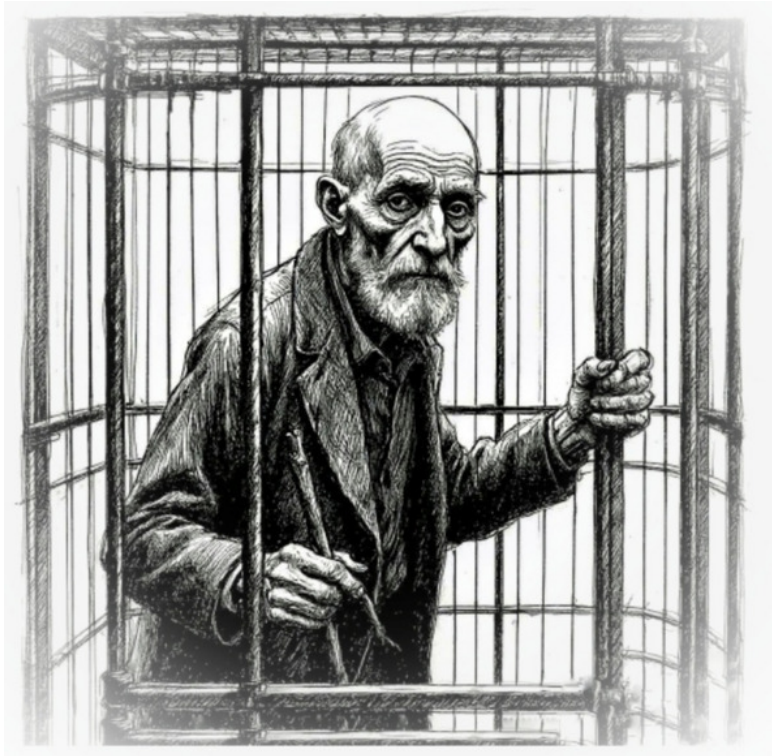
– Внимание, граждане арестованные! Приготовились к снятию ориентировок! Подходим – называете фамилию, имя, отчество, год рождения и статью...

Зэки недовольно зароптали. Но в подвал спустилась молодая девушка в полицейской форме и с блокнотиком в руках. Все вдруг дружно замолчали и принялись с глумливым любопытством её разглядывать.

Процедура так называемого снятия ориентировок – часть формального профилактического мероприятия для попол-

нения базы данных на случай побега заключённых из под стражи и для установления возможной их причастности ещё к каким-нибудь преступным деяниям. Требуется всего-навсего сделать краткое описание внешности каждого из заключённых, его одежды, обуви, а также заполнить перечень особых примет. В наше время, когда биометрические данные с помощью видеокамер можно во всех подробностях обработать за доли секунды, эта затея с записями в блокнотик кажется пустой и глупой. Но, как говорится, порядок есть порядок. Надо, значит, надо – пиши себе, кому жалко?

Вот девушка и записывала в блокнотик нужные ей сведения, подходя по очереди к клеткам в сопровождении здорового усатого амбала из охраны и внимательно изучая взглядом каждого сидельца. Если кто-то начинал путаться в статьях уголовного кодекса или собственных фамилии, имени и отчестве, что не раз случалось (контингент в клетках – тот ещё!), девушка громко озвучивала необходимые данные, поправляла, переспрашивала и уточняла.

Это служило своеобразным развлечением для скучающей арестантской братии. Чуть ли не каждый норовил чем-то отличиться: подурачиться, вставить какую-нибудь шутку, острогу, чтобы повыделываться перед барышней в форме и повеселить остальных. Но, опасаясь разозлить усатого дя-дю-охранника, ревниво косящегося на каждого, к кому б ни

подходила девушка, лишнего себе, вобщем-то, не позволяли.

Так, дошла очередь и до новенького хромого дедули, о котором все уже успели позабыть.

Поначалу, пока он, сбиваясь и путаясь, отвечал на первые вопросы, никто и не подумал обратить на него внимание, поскольку ничего занятого в этом, казалось бы, не было. Обычный старый алкаш – что особенного?

Но тут девушка спросила у деда о статьях, по которым его привлекли.

– Чего? – хрипло переспросил дед.

Девушка повторила вопрос.

– Чего? – грубовато и раздражённо снова прохрипел тот. – Какие?

И, повернувшись, прислонился ухом к решётке,

– Это я Вас спрашиваю – какие, – терпеливо, но тоже недовольно произнесла девушка.

– А я их знаю? – грубо рявкнул в ответ дед и начал бубнить что-то маловразумительное.

Девушка закатила глазки: мол, кошмар, кого сажают – дурдом: ничего не знают и не понимают. И голосом учительницы начальных классов громко и дидактично принялась перечислять статьи уголовного закона, которые вменяли старику. Тот только кивал головой, силясь запомнить, но, судя по выражению его морщинистого лица, не только ничего не запомнил, но ещё больше запутался.

Зато остальная аудитория, а некоторые даже с раскрыты-

ми ртами, бросив свои дела, стала внимательно вслушиваться в оглашаемый девушкой список, состоящий, как из знакомых, так и неизвестных им доселе трёхзначных чисел. На лицах у всех пробудилось выражение любопытства. В клетках воцарилось гробовое молчание...

Это безмолвие длилось ещё долго: до самого завершения сбора ориентировок, и даже сохранялось ещё некоторое время после ухода девушки в синей форме вместе с охраняющим её усатым хахалем.

Первым нарушил тишину тот самый праправнук турецко-подданного – Матвей:

– А ты, дедан, по ходу ни разу не фуфлыжник!?

Старик посмотрел на него исподобья, потом наморщил свой мясистый нос, вытянул шею вперёд и грубо, почти с вызовом гаркнул:

– Чего?

В клетках послышались отрывистые смешки.

– Что чего? – продолжал спокойно Матвей. – Ты теперь в тюрьме. Пацаны проявили положняковый интерес за твою делюгу⁶. А ты фуфел прогнал⁷. Это не по понятиям. Хотя ты и старый, но спрос со всех един. За пиздобольство, знаешь, чё бывает?

Дед в ответ бурчливо заматерился, явно не понимая, что от него хотят.

⁶ уголовное дело; здесь: уголовно наказуемое деяние;

⁷ фуфел (фуфло) гнать – обманывать или пустословить;

Матвей терпеливо принялся ему разъяснять:

– Ну, ты же сам сказал, что за грабёж тебя подтянули. Так?

– Да, – охотно согласился дед, но тут же сходу «переобулся» – усомнился в собственной уверенности, – ...вроде. А може – нет... сам не знаю...

Смешки из клетушек стали более частыми и продолжительными.

– Вот те раз... – изумился Матвей.

– Вот те два! – неожиданно вставил дед.

Арестанты на это отреагировали дружным хохотом.

Матвей тоже усмехнулся и сказал:

– Нет, старина. Так дело не пойдёт. У тебя ведь там кроме грабежа – целый букет статей: кража, побои, насильственные действия, вовлечение в проституцию, организация пригона... сутенёрство, короче...

– Чего-о? – искренне возмутился и даже испугался дед. – Нас-силь... нас-суть... какое с-суть... ть-тенёрство?!

Момент интриги заставил всех наострить уши. Слова Матвея, простодушие старика, его неведение по существу собственного уголовного дела, как вкупе, так и по отдельности, вызвали всеобщее недоумение, подстрекая нарастающий интерес. И те, кого уже посетили кое-какие догадки, и те, кто вообще ничегошеньки не понимал – все обалдело уставились на старика, ожидая хоть каких-нибудь намёток на установление истины.

– Ага, дедуль. – уже мягко, как бы сочувственно произнёс

Матвей. – Походу, ты сам не в понятиях? Ну, значит, надо ясность внести. Давай так: с самого начала – что там у тебя приключилось? За что сюда привезли?

– А-а-а, – облегчённо протянул дед, неторопливо достал из кармана какую-то грязную тряпку, высморкался в неё, скомкал и убрал обратно в карман. – Щас расскажу...

Он ещё немного помешкался, поудобнее устраиваясь – опёрся задом о стенку клетки, навалился руками на клюку, и начал рассказывать свою историю:

– Дом, значит, у меня. Большой дом. С пристройкой. Участок тоже большой. Раньше жили: я с женой в доме, мать – в пристройке. Давно уж было. Потом с женой разошлись – бухал я здорово. Потом мать померла. С тех пор один жил. А куда мне этот дом? Стал на квартиры студентам сдавать. А сам ушёл в пристройку жить. За квартиру платют, пенсия есть – чё ж не жить? Так и жил...

– Квасил, поди, безбожно? – не удержался и спросил Матвей.

– Это да. Это не отрицаю. И один, и с друзьями – сколько лет не просыхал. Аж ноги вон – поотказали. Ну, а где-то год-полтора назад квартиранты съехали, а тут парень пришёл – надо, говорит, хату снять. Ну, а я чё? Давай, говорю, стока-стока, за свет, за воду, за газ – сам плати. Договорились, вобщем. Жить, говорит, не он будет, а две барышни. Студентки, что ль? – спрашиваю, значит. Ага, говорит, студентки. Ну, добро. Поселились, живут. Мужики к ним ездят

каждый день. И к ночи, и ночью. Разгульные попались девки... Дело их, я не лезу. Дом у меня такой, что в пристройку дверь со двора, и со двора же на улицу – калитка. А в дом-то вход – с улицы. Не, конечно, с дома во двор тоже дверь есть, но я её запер. На хер мне ещё во дворе чужие? Ну, и живём – друг к другу не лезем: я сам по себе, квартирантки – сами по себе. Платить – платют, а чё они там делают – знать не знаю и знать не желаю, лишь бы дом не спалили...

Старик перевёл дух. Вытащил из кармана мятую пластиковую поллитровку с водой, отхлебнул, прокашлялся и попросил, нет ли у кого закурить.

– О, старина, тут запрещено не то, что курить, а и с собой иметь сигареты со спичками. На тюряжке нас шмонают перед дорогой. Да и вас на ИВС тоже. Так что крепанись...

– А чё запрещают-то? Курить-то охота... – пробормотал дед сипло, но смирился и продолжил свой рассказ. – Ну, вот так, значит. А соседки не раз со мной ругались, что, мол, шлюх на квартиру пустил – всю ночь на машинах ездят. А мне какое дело? Ездят, значит, знают зачем ездят. Шас время такое. По телевизору вон – одни шлюхи! Ну, и вот. Всё нормально было. А тут приятель пришёл. Выпили, значит. Ещё взяли, он сходил. Мало. Добавить бы, да денег, так вышло, что нет. Дай, думаю, у квартиранток в долг возьму. Пошёл через калитку на улицу, и в дом хотел зайти – закрыто. Постучал – не открывают. Я тогда к окошку! Стучу, стучу – знаю, что дома. Тут одна соизволила – форточку открыла.

Сама в халате ли, в сорочке ли, заспанная вся. Чё, говорит, барабанишь? Вот ни хера себе: в свой же дом не попасть! Дай, говорю, займы, в счёт квартплаты. Смотрю – психанула! Я так, де, и так. Покочевряжилась, но дала. Немного, но дала. Приятель сходил, взял выпить. Сидим, значит, дальше.... Тут ещё один дружок зашёл. Ну, ясен хрен, чё было допили – опять мало! Да и поесть чё-то взять – тоже надо. А время уж позднее. Пойду, думаю, ещё у них денег стрельну, у шалав этих, значит...

Зэки из своих клеток внимательно слушали рассказ старика. Тот, не спеша, прочистил нос той же скомканной тряпкой из кармана, хлебнул водички из своей бутылки, той самой – измятой, как, собственно, и всё, что у него ещё осталось: лицо, одежда, душа и сама несуразная его жизнь.

Матвей, по-видимому, уже вполне ясно представил себе, как развернулась дальнейшая картина, и уже без насмешки в глазах, невесело глядел на старика.

Тот, хрипло побрякав, стал рассказывать дальше:

– Ну, и опять, значит, через улицу к ним нырнул – заперто. Я снова тук-тук в окошко – не подходят. И так, и сак – бес-толку. А ведь знаю, что дома они – там свет горел и слышать

было... И, главное, перед соседями неловко – увидят, как меня к себе же домой не пускают и скажут потом – чё, мол, дожил? доигрался, старый дурак? проشمандовки ты из дому вытурили! понаводил на свою дурную голову – скоро, де, и со двора пинком под зад выкинут! Я, значит, шасть обратно – во двор. И открыл бы вторую дверь, что со двора – да не помню, куда ключ дел. Пьяный же был. Ах, вы, думаю, суки такие, ну я вам щас задам! Взял в сарае гвоздодёр... и выломал, на хрен, замок – с корнем! В дом захожу, а они обе навстречу – и ну визжать на меня: и матом, и по всякому! Накрашенные – наверно, кавалеров ждали. А тут я со своей палкой... – тут дед громко стукнул клюшкой о кафельный пол клетки, но, вдруг кое-что припомнив, пояснил. – Не. Не с этой палкой. Ту-то менты забрали...

Эки добродушно, но сдержанно расхохотались: своей поправкой дед предвосхитил собственный рассказ, и многие догадались, как дальше было дело.

– Эх, и поучил же я той палкой шлюхов этих! Вот где было и визгу, и писку... Пока одну учил, другая – за телефон, за сотовый, значит! Я увидел – и ей ввалил хорошенько. А телефон-то отнял, чтоб ментов не вызвали. И у второй тоже. Телефоны их у мя менты и забрали потом-то. Понимаешь, меня зло взяло: я кто? чей дом? Мой дом! Я хозяин! И меня, хозяина, в моём же дому какие-то засранки ещё матюкать будут!? Собирайте, говорю, манатки и валите на все четыре стороны! Вот порог и семь дорог!

Дед от возмущения и пережитых воспоминаний судорожно раскашлялся.

– А ментов-то, старый, кто вызвал? – спросил прыщавый детина с варикозом.

– А шуть их знает. Наверно, соседки постарались – шум услышали. Вот пока я шлюхов-то на улицу выгонял, менты и приехали. Видать, я переборщил с палкой – хорошо их разукрасил, потаскух... Ну, и всё. Дружки сразу разбежались. А меня забрали... Дом открытый остался. И двор... Щас, може, отпустят – пойду хоть порядок там наведу...

– В смысле – отпустят? Куда? Ты о чём, старина? – изумлённо улыбаясь, спросил Матвей.

– Как куда? – в свою очередь изумился дед. – Домой!

– В смысле – домой? Тебе сейчас надо думать, как билет в один конец не словить⁸. Да за твою делюгу десятка светит!

Матвей обернулся и бросил в сторону прыщавого детины и остальных зэков:

– Вот подарок-то царский следакам! Ох, чует моё сердце, раскрутят делюгу на всю катушку: бордель, типа, накрыли – организатор арестован! Соседи – свидетели! Спишут все грехи на старого...

– Чего билет-десятка? – отозвался сам старый.

– Десять лет могут те дать! На зоне...

– Да ну!? – недоверчиво ухмыльнулся старик. – За ку-

⁸ длительный срок лишения свободы, непосильный для престарелого человека, то есть вкупе с сомнением, доживёт ли заключённый до освобождения;

ров-то за этих? Да ну-ко ты... кому они нужны? Телефоны отдал. Щас разберутся и отпустят.

– А кража-то в деле откуда?

– Это они, дуры, сказали, что я у них ещё и деньги украл. Со злости врут. Мстят. Кто им таким поверит?

– Да-а, дедуль... Походу, трудно тебе придётся. Что сказать? Крепись, старина... крепись...

ТЮРЕМНЫЙ ЛИКЁР

«Вечерок в радость, чифирик в сладость!» – эту незамысловатую, но душевную прибаутку нередко можно услышать в местах, не столь отдалённых: тюрьмах и исправительных лагерях. Она играет там роль приветствия вместо всем известного: «Добрый вечер!». И там испокон веку прижился обычай пить крепко заваренный чай, который носит название «чифир».

Правда, за годы скитаний мне попадались и другие, созвучные названия: «чАфир», «чифИрь», и совсем не похожее: «шара».

Ещё в детстве, от приятеля – сына военного офицера, служившего в Монголии, я узнал, что монголы-кочевники готовят на основе чая питьё, от которого они, с его слов, балдеют, как от водки.

По всей видимости, это было преувеличение. Но мне стало интересно, и я выпросил у него все подробности.

Монголы приготавливали его так: в кипящий на костре котёл забрасывали чай (популярной в Советском Союзе марки – «индийский со слонами») из расчёта: пачка в двести граммов на литр кипятка; потом проваривали его две-три минуты, снимали с костра и заправляли бараньим жиром либо, при возможности, банкой сгущёнки.

Было «дефицитное» время – разгар брежневского «за-

стоя». Но в военном гарнизоне, тем более в дружественной народной республике сгущённое молоко (натуральное, по ГОСТу, не чета нынешнему) и этот знаменитый чай были в открытой продаже и пользовались большим спросом у туземцев, которым в определённые дни позволяли отовариваться в магазине «Военторг».

А в иное время, когда монголов не пускали в военный городок, они выменивали чай у пацанов, в том числе и у моего приятеля, на разные безделушки или покупали за тугрики и мунгу. Та ещё валюта – типа современного рубля. А добыв чай, тут же возле городка, принимались варить свой чафир. Приготовив, садились в кружок, по очереди отхлёбывали его и млели от наслаждения.

В те же годы я ещё кое-что узнал об этом загадочном напитке от сестры моей бабушки – тёти Маруси, которая ездила на свидание в какую-то колонию навестить своего племянника (и моего, соответственно, дальнего родственника), отбывавшего там наказание. Она рассказывала (не мне, конечно, а взрослым), что первым делом этот племянник, даже не поев, кидался заваривать чай. С её слов, он пил «гольную заварку». Услышал я это случайно и не придавал тогда никакого значения, но в память, тем не менее, почему-то запало.

Лет в пятнадцать, помню, я впервые попробовал приготовить и употребить этот чудо-напиток на основе знаний, о которых поведал выше. Вроде бы всё сделал верно, но эффекта никакого не получил. Попытка увеличить дозу вызвала толь-

ко тошноту.

Вообще, тошнота при употреблении чифира – это нормальное сопутствующее явление. Избавиться от неё можно, бросив в рот маленькую щепотку соли.

Кто-то из друзей пытался объяснить мне, какой эффект производит чифир, так сказать, с физиологической стороны. Он якобы повышает кровяное давление за счёт высокой концентрации кофеина, учащает сердцебиение, и в итоге «кровь приливает к голове, отчего человек кайфует».

Не исключено, что ранние гипертоники в самом деле испытывают от этого головокружение и ощущение, что теряют ориентацию в пространстве. Но лично я сам никогда: ни на воле, ни в тюрьме – никакого кайфа от этого дела не почувствовал. И более, чем уверен, что подавляющая масса зэков, регулярно «чифириящих», тоже...

Однако, обо всём по порядку.

В зрелые годы я вновь столкнулся, скажем так, с культурой употребления данного напитка в произведении А. Солженицина «Архипелаг Гулаг». Цитирую по памяти пояснение автора: «Чифирь – это вид наркотика, приготовленного из чая».

Как показали мои дальнейшие наблюдения (естественно, уже после того, как сам очутился в этой юдоли) – так оно и есть.

Если выразиться коротко, то приём чифира никакого эффекта эйфории обычному человеку с нормальным физиче-

ским здоровьем не даёт. Чтобы получить от него некое подобие удовольствия, надо сначала на него «подсесть», то есть выработать у организма что-то вроде наркотической зависимости.

Затея эта очень опасна. Опьянения или одурманивания в прямом понимании чифир не вызывает. Но тому, кто на него «сел», без него плохо, порой мучительно, а с ним – либо терпимо, либо нормально, либо более-менее хорошо. Получается, что сам себе, по глупости, в погоне за сомнительной романтикой нажил «геморрой» в виде постоянного добывания чая, без которого жизнь не в жизнь, а толку, в общем-то и нет.

У «чифирных», когда заканчивается чай, появляются признаки панического состояния, тремор пальцев рук, их изнуряют головные боли, а вялость и упадок сил периодически сменяет раздражённость, вплоть до агрессии. В общем, почти как у типичных наркоманов.

Выпив, наконец «чая», как иногда запросто называют чифир его любители, они возвращаются в нормальное состояние: улучшается настроение и общий тонус, появляется интерес к жизни и чувство довольства.

Помню, одному человеку из вторыходов, то есть не раз отбывавших наказание, во время этапирования на транспорте стало так плохо, что он начал поедать сухую чайную заварку...

Но это я так, для остротки любителям над собой поэкс-

перементировать.

А в целом, как говорится, традиция есть традиция. И от этого в тюрьме не всегда можно увильнуть. Да и не нужно.

Дело в том, что, во-первых, непосредственно чифир, в прямом понимании, эки пьют не так часто. Причин тому несколько: не каждый сорт и вид чая годится, готовить его хлопотно, расход чая велик, да и здоровье тоже не казённое. Поэтому его заменяют просто на крепко заваренный чай, который называют «купец» или «крепкий купец».

Во-вторых, сам этот обряд употребления, как говорят, «чифирить», не лишён настоящей романтики, особенно, если чифируют по какому-нибудь хорошему поводу.

Церемония примерно такова. Собираются в круг добрые знакомые, которых объединяют общие интересы – есть о чём пообщаться, есть место взаимопониманию, приятности, позитивным эмоциям. Это уже хорошо, если чифир собрал такую компанию. В центр круга на столик или табурет ставят «чифирбак» – ведёрко или другую ёмкость с чаем, раскладыва-

ют «закуску» – конфеты, шоколад и другие сладости. Но сведущие люди не дадут соврать – очень хорошей прикусой к чифиру служат также кусочки сушёной рыбы, солёного сыра, копчёностей. В общем, как говорится, чем богаты... Ну, на худой конец и сахар-рафинад тоже не плох. Но в любом случае сладкий закусон – обязателен! Иначе может случиться с кем-нибудь неприятность, которую обозначают словом «тряхануло». Я чуть позже объясню, что это такое.

И вот, когда все в сборе, ритуальный напиток тюремно-лагерной субцивилизации наливают в «кругаль»⁹, подают первому, обычно наиболее уважаемому члену компании. Тот говорит какой-нибудь тост, желает всем здоровья, а если поводом собраться стал чей-либо день рождения, то произносит соответствующее поздравление. Потом делает две-три «хапки» – таких коротеньких хлебков, похвалит напиток от души либо из вежливости («Хорош, зараза! Чистый яд!») и подаст кругаль соседу, чаще слева, то есть, по часовой стрелке. Потом вкинет кусочек закуски. Очень хорошо идут для этого самые банальные из конфет – «подушечки», особенно если они мягкие. И так кружка ходит по кругу, лишь успевай пополнять. Однако каждый сам, соразмерно своим возможностям, дозирует принимаемое количество. Некоторые пригубляют только, так сказать, символически.

Нет, есть в этом ритуале что-то. Магическое-немагическое, но завораживающее, как будто погружение в перво-

⁹ кружку;

зданное состояние, ощущение братства, согласия, некоей невидимой нити, которая связывает всех присутствующих.

В ходе церемонии обычно ещё и много курят.

Завершается этот процесс, соответственно, когда чай выпит или подавляющее большинство участников отсеялось – разошлись по своим делам.

Расчитывать свои силы при этом надо обязательно, не жадничать, не лишковать. Иначе могут возникнуть неприятные катаклизмы.

Высокая концентрация таннинов (дубильных веществ) в чае, воздействуя на пищевод и желудок, может вызвать тошноту вплоть до рвоты. В таких случаях говорят: «словил мутного», то есть человека мутит.

А ещё, как я понимаю, таннины раздражают и поджелудочную железу, из-за чего она вбрасывает в кровь избыточное количество инсулина. От этого наступает резкое понижение уровня глюкозы в крови, фактически приступ гипогликемии, как при диабете. А выражается это в ощущении тревоги, головокружении, тряски во всём теле, особенно пальцев рук, и в том, что называют «сосёт под ложечкой». Такое явление и называют: «тряхануло».

Был даже такой случай, что один пожилой зэк скончался буквально при освобождении, на выходе из зоны. Перечислил на прощанье – от радости забыл меру. На самочувствие внимания не обратил – отнёс его на счёт «нервоза» от избытка волнения. Пока дожидался документов, становилось всё

хуже и хуже, но крепился. В итоге потерял сознание – впал в кратковременную кому. Вызвали «скорую». Увы, спасти его не удалось. Надо думать, если бы нашлась у него в кармане дешёвая простецкая карамелька, да не суетился бы он так от волнительного и радостного события, всё могло бы закончиться вполне благополучно...

Выходит, что сладости на основе сахара – это главная прикуска к чифиру! Без этого лучше не рисковать – последствия могут быть плачевны.

А вот, если «словил мутного» – помогут солёности. Или, как я уже упомянул, несколько крупинок поваренной соли.

Лично я люблю закусывать крепкий чай или чифир сушёными кальмарами, которые подают к пиву. Они одновременно и солёные, и сладковатые на вкус. Только случай такой, увы, подворачивался нечасто...

На «купчик» идёт любой чёрный чай: крупно- и мелколистовой, гранулированный или их смесь.

А вот для чифира предпочтительнее только мелколистовой. Гранулированный – «горошек» – даёт сильную взвесь чайной пыли и в итоге чайный настой как-бы сворачивается. Крупнолистового нужно слишком много – больше, чем воды, иначе не будет должной крепости.

«Купец» получают простой заливкой заварки кипятком.

Чифир же после заливки ещё раза два-три «поднимают», то есть с помощью кипятильника нагревают почти до кипения, но не варят. При этом разбухающая заварка действи-

тельно поднимается шапкой. Так ускоряется экстракция веществ из чаинок в чайный раствор. Затем чифир «килишуют» – переливают из одной ёмкости в другую и обратно. Заваренные чайники – нифеля – оседают на дно. Чифир – это настой, а не отвар.

Если качество чая низкое, то уже готовый раствор снова нагревают и заливают им ещё одну, а то и две порции сухой заварки и после опять поднимают и килишуют, пробуют на крепость.

Готовый чифир в идеале должен быть похож на пиво сорта «портер» и по цвету, и по прозрачности – насыщенно тёмно-коричневый, почти чёрный, без мути.

Многие зэки приписывают чифиру разные чудодейственные свойства от всех болезней, и, полагая, небезосновательно. Всё-таки тюрьма лишает человека не только полноценного рациона питания, но и свободного доступа к лекарствам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.